

А. С. Скрипкин, В. М. Клепиков

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ II—I вв. до н. э. НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И НЕКОТОРЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ САРМАТОВ

Статья посвящена хронологическому анализу раннесарматских воинских погребений с двумя мечами в Нижнем Поволжье, датированных последними веками до н. э. Авторы связывают их появление с миграционной волной II—I вв. до н. э. и предлагают видеть в них аорсов и верхних аорсов Страбона, вместе с сираками и роксоланами сменивших сарматов в евразийских степях.

Ключевые слова: Сарматы, аорсы, Нижнее Поволжье, мечи, кинжалы, погребения воинов.

Александр Владимирович является одним из ведущих специалистов в области сарматской археологии. Полагаем, что наша статья вызовет у него интерес. Мы поздравляем его со славным юбилеем, желаем здоровья и новых творческих успехов.

Несмотря на публикацию в предшествующее время значительного количества работ по хронологии и периодизации сарматских памятников, эта тема не утрачивает своей актуальности, а поиск новых фактов позволяет уточнить процессы формирования культуры в целом или отдельных их периодов. В частности, проблема периодизации раннесарматской археологической культуры в хронологических рамках IV—I вв. до н. э. включает целый ряд вопросов, связанных как с сохранением традиционных элементов погребального канона на протяжении всего периода, так и с инновациями, связанными с восточными миграционными импульсами. Соответственно, возникает необходимость определения, датирования и объяснения новых явлений, позволяющих обосновать выделение отдельных этапов в истории раннесарматского кочевого мира.

В предлагаемой статье речь пойдет о сарматских погребальных памятниках Нижнего

Поволжья, для которых характерно наличие в каждом из них парных находок меча и кинжала. Нами специально выбраны два варианта сочетаемости разнотипного клинкового оружия в отдельном погребении: 1) меч обычно с кольцевым навершием и кинжал с серповидным навершием, в обоих случаях перекрестия прямые; 2) меч без металлического навершия и обычно с ромбовидным перекрестием, кинжал с серповидным навершием.

Первый вариант сочетаемости клинкового оружия выявлен в десяти погребениях: Бахтияровка, к. 33/5; Белокаменка II, к. 7/3; Верхнее Погромное, к. 7/6; Калиновка, к. 19/17; Кияковка, к. 4/7; Котлубань V, к. 1/6; Петрунино II, к. 1/14; Рыбный, к. 3/12; Эльтон (гр. у с. Приозерное), к. 2/6; Эльтон, к. 6/3 (рис. 1, 2). Все находки происходят с территории Волгоградской области. В одном случае (Эльтон, к. 6/3) длинный меч имел серповидное навершие, а кинжал — кольцевое.

Второй вариант совместно встречаемых мечей и кинжалов был представлен в семи погребениях следующих могильников: Аксай I, к. 2/2; Жутово, к. 27/4; Майеровский III, к. 4/3А; Маляевка V, к. 3/3; Новый Рогачик, к. 7/3; Политотдельское, к. 12/19; Яшкуль, гр. 37, к. 1/1 (рис. 3). Последний комплекс происходит из Калмыкии, остальные с территории Волгоградской обл.

Датировка всех этих погребений определяется самим набором клинкового оружия в них. Все эти погребения не могут быть датированы началом нашей эры по следующей причине: найденные в них кинжалы относятся к прохоровскому типу, который отличает, кроме серповидного навершия и прямого перекрестия, еще и клиновидная форма лезвия. Находок мечей

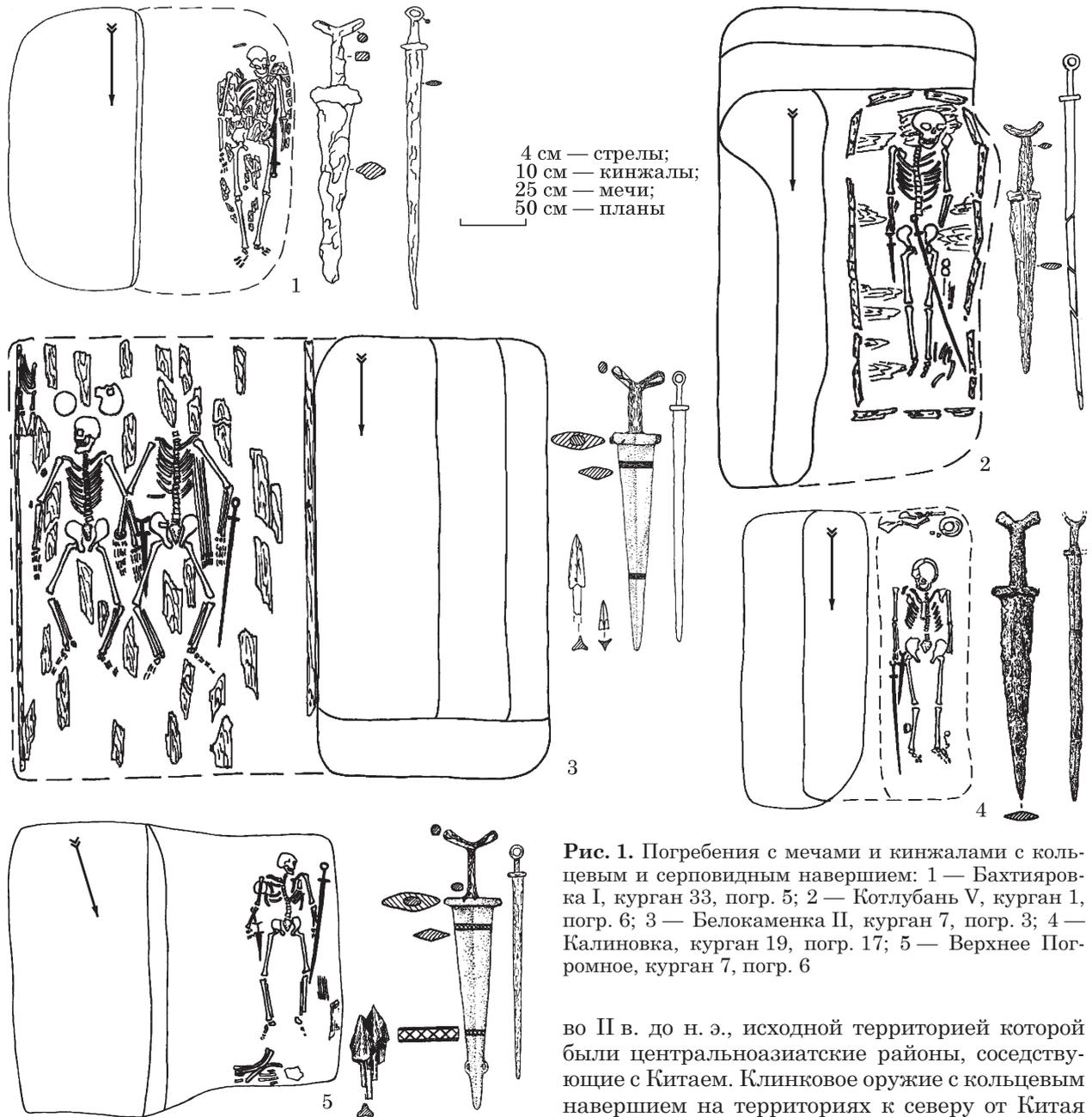

Рис. 1. Погребения с мечами и кинжалами с кольцевым и серповидным навершием: 1 — Бахтияровка I, курган 33, погр. 5; 2 — Котлубань V, курган 1, погр. 6; 3 — Белокаменка II, курган 7, погр. 3; 4 — Калиновка, курган 19, погр. 17; 5 — Верхнее Погромное, курган 7, погр. 6

и кинжалов этого типа в настоящее время известно многие сотни, но мы не знаем случаев их нахождения в памятниках, убедительно датированных первыми веками н. э. Обращаем внимание, речь идет о типичных мечах и кинжалах прохоровского типа, а не об отдельных позднейших их дериватах типа кинжала из кургана 10 могильника Высочино I на Нижнем Дону (Беспалый, Лукьяшко 2008, с. 127, табл. XIII: 2).

Таким образом, нахождение в исследуемых комплексах кинжалов прохоровского типа ограничивает их верхнюю дату. Нижняя дата тех же комплексов определяется мечами как с кольцевым навершием, так без металлических наверший и коротким часто ромбовидным перекрестием, поскольку их появление в сарматских погребениях связано с миграцией кочевников

во II в. до н. э., исходной территорией которой были центральноазиатские районы, соседствующие с Китаем. Клиновое оружие с кольцевым навершием на территориях к северу от Китая появляется еще с раннескифского времени, оно известно в изображениях на оленных камнях и широко распространяется в последующее время на территории Северного Китая, Минусинской котловины, Тувы. До II в. до н. э. они неизвестны в кочевнических погребениях Восточной Европы (Скрипкин 2005, с. 171—181). Мечи без металлических наверший и обычно коротким, часто ромбовидным перекрестием по своему оформлению обнаруживают близость китайскому аналогичному оружию, мечи такого типа могли появиться только в соседних с Китаем районах. Во время начавшихся миграционных процессов II в. до н. э. такие мечи распространяются в Средней Азии, степях Восточной Европы, известны они и в памятниках лесостепных культур саргатской, пьяноборской и чегандинской культур, куда могли попасть при помощи кочевников (Скрипкин 2000, с. 17, 18).

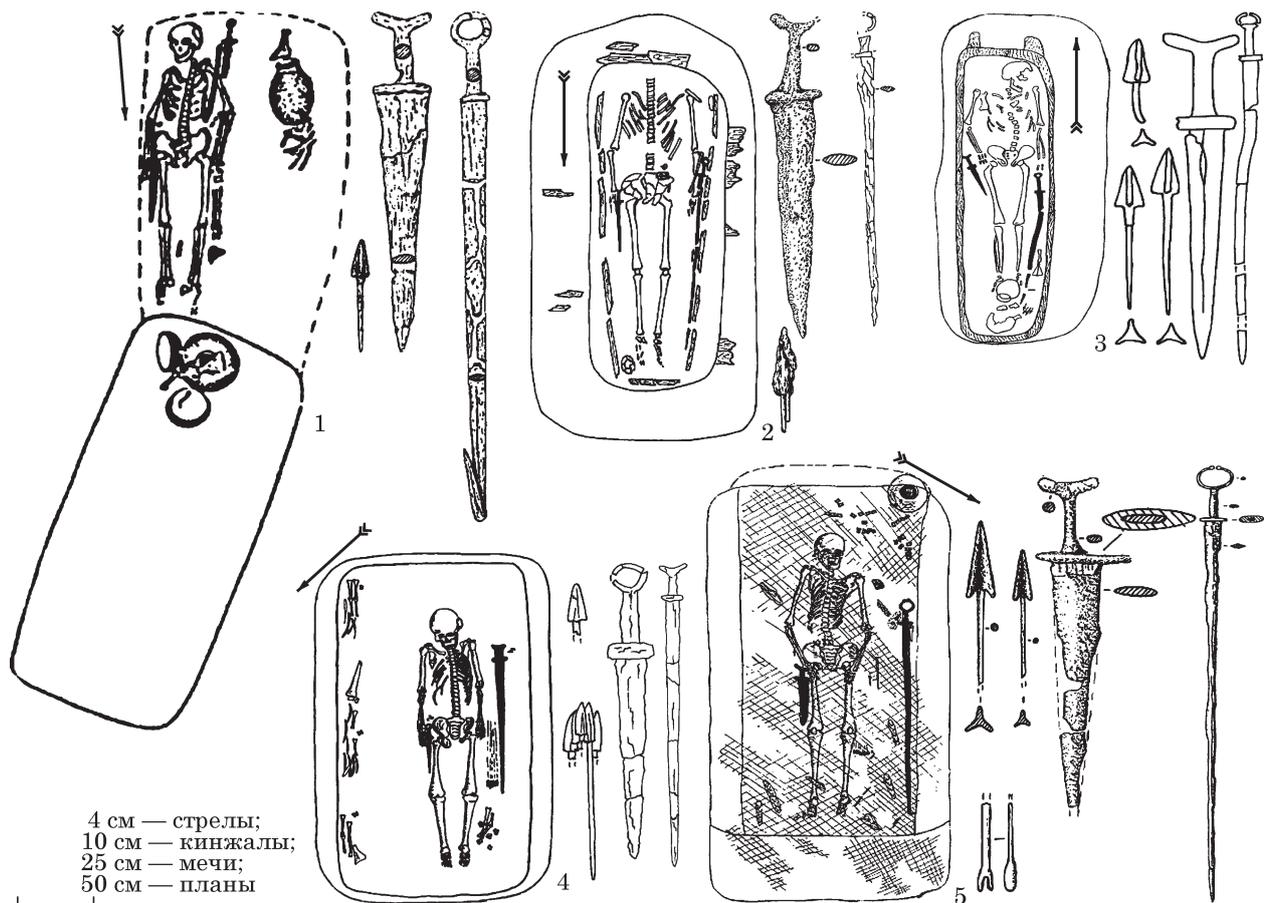

Рис. 2. Погребения с мечами и кинжалами с кольцевым и серповидным навершием: 1 — Килияковка, курган 4, погр. 7; 2 — Петрунино II, курган 1, погр. 14; 3 — Рыбный, курган 3, погр. 12; 4 — Эльтон, курган 6, погр. 3; 5 — Эльтон (Приозерное), курган 2, погр. 6

Таким образом, уже сам набор клинкового оружия ограничивает время существования выделенных нами погребальных комплексов II—I вв. до н. э. Кроме того, предложенная дата подтверждается рядом находок других вещей, которые являются для рассматриваемых погребений хроноиндикаторами, например, фибулами. Так в погребении из курганного могильника Рыбный был обнаружен фрагмент фибулы среднелатенской схемы со скрепленной ножкой. Фибулы этого типа датируются преимущественно второй половиной II — первой половиной I в. до н. э. (Кропотов 2010, с. 44).

Особый интерес представляют погребения из кургана 1 могильника Петрунино II, располагавшегося у реки Иловли, левого притока Дона. В погребении 14 этого кургана были найдены кинжал прохоровского типа и меч с кольцевым навершием. Здесь же была обнаружена ажурная бронзовая пряжка, в рамке которой была заключена сцена борьбы хищника кошачьей породы с верблюдом. Появление таких пряжек в сарматских погребениях по ряду стилистических особенностей связывают с распространением моды на них из центральноазиатских районов и датируют II—I вв. до н. э. (Скрипкин 2000, с. 24, 25; Глебов 2016, с. 69—79; Трейстер 2019, с. 212—214). Судя по круговому расположению под насыпью

этого кургана нескольких сарматских погребений, не нарушающих друг друга, они близки по времени захоронения. В погребении 13 также был обнаружен длинный меч с кольцевым навершием и кинжал, внешний вид которого из-за плохой сохранности, к сожалению, установить не удалось. Погребения 13 и 14 располагались рядом, не нарушая друг друга, имели одинаковую форму ям и ориентировку, и потому можно предположить их одновременное сооружение. В погребении 9 того же кургана и в яме той же конструкции вместе с мечом прохоровского типа была обнаружена железная лучковая подвижная фибула. Судя по форме слабо прогнутой спинки, она относилась к раннему варианту этого типа фибул. В предыдущее время лучковые фибулы было принято датировать не ранее I в. н. э. С накоплением материала эта дата была подвергнута сомнению, и было предложено датировать ранний их вариант временем до н. э. Идея удревления этих лучковых фибул была изложена в работах ряда авторов. Предлагалось датировать их концом I в. до н. э. (Михлин 1980, с. 205), I в. до н. э. (Скрипкин 2003, с. 128) и даже второй — последней четвертью II в. до н. э. (Зайцев, Мордвинцева 2003, с. 152).

В погребении 4 из кургана 28 Жутовского могильника были найдены две уникальные

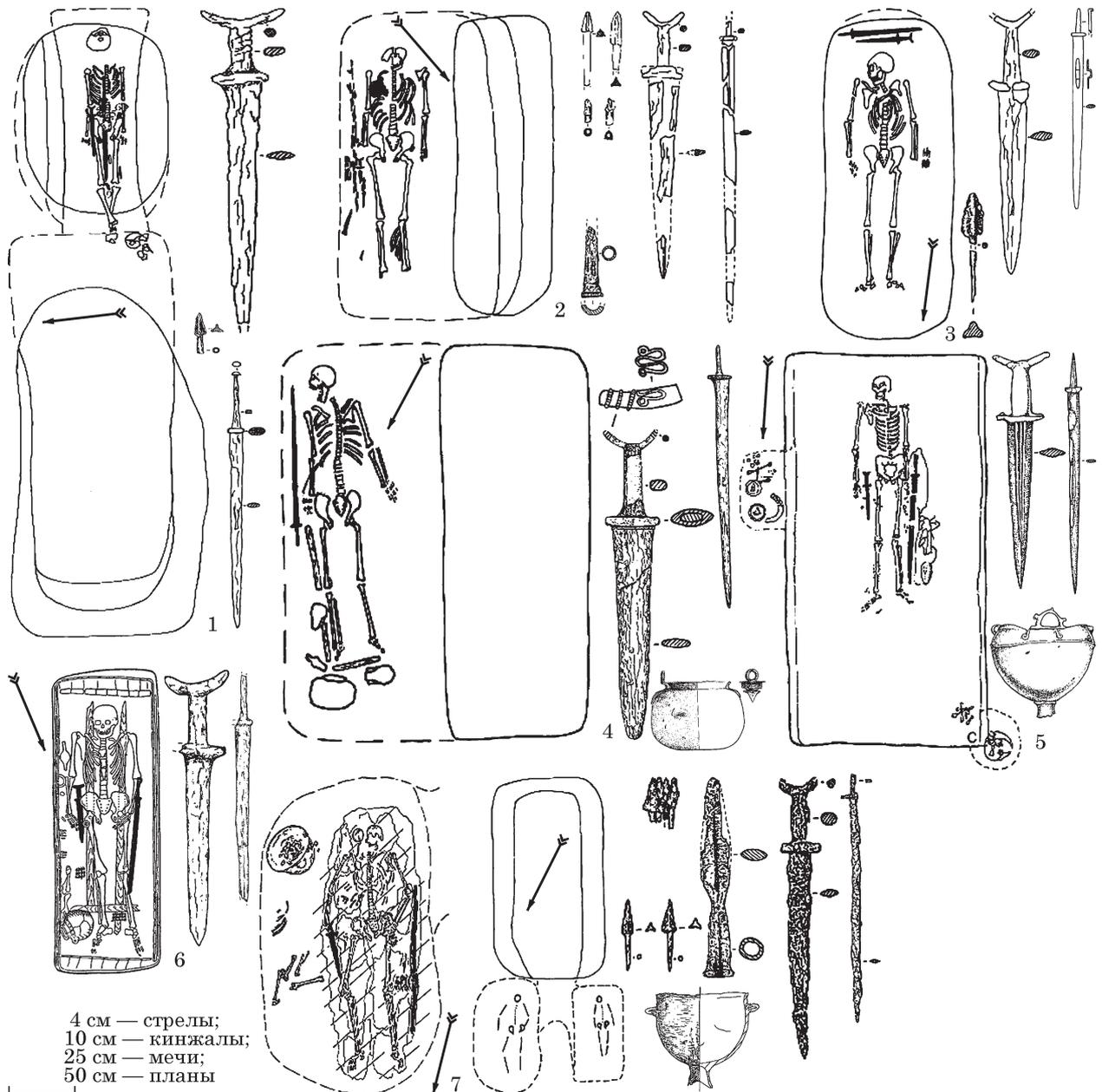

Рис. 3. Погребения с мечами без металлического навершия с ромбовидным перекрестием и кинжалами с серповидным навершием: 1 — Аксай I, курган 2, погр. 2; 2 — Маляевка V, курган 3, погр. 3; 3 — Новый Рогачик, курган 7, погр. 3; 4 — Жутово, курган 27, погр. 4; 5 — Яшкуль, гр. 37, курган 1, погр. 1; 6 — Политотдальское, курган 12, погр. 19; 7 — Майеровский III, курган 4, погр. 3А

пряжки из гагата, прямые аналогии которым имеются в памятниках тесинской культуры на Енисее, а также античный утварь, которые позволили датировать это погребение II—I вв. до н. э. (Скрипкин, Шинкарь 2010). Такие же пряжки известны в воинских погребениях этого же времени из Центральной Азии (Трейстер 2019, с. 194—199, 214).

В парном погребении 3 из кургана 4 могильника Майеровский III, располагавшегося в Волгоградском Заволжье, мужчина и женщина были захоронены в отдельных катакомбах, объединенных одной входной ямой. По полевым наблюдениям, это было одновременное погребение. С мужчиной находились кинжал

с серповидным навершием и длинный меч без металлического навершия, железный наконечник копьа, железные трехперые черешковые наконечники стрел, бронзовый котел. Захоронение женщины сопровождалось большим количеством вещей, среди которых были золотые гривна, браслеты, серьги, перстни и нашивные бляшки. Наиболее точно датироваемые вещи происходили из женского погребения, в частности, серебряная чаша с внутренним гравированным орнаментом, покрытым позолотой, определена как продукт восточной торевтики позднего эллинизма. Аналогичные чаши были широко распространены на территории Сирии и Парфии во II—I вв. до н. э. (Skvorcov, Skripkin

2006, s. 260—262). По мнению М. Ю. Трейстера, в это же время с ранней волной парфянских импортов такие чаши появились у кочевников сарматского круга (Трейстер 2018, с. 122, 123, 148).

С тем же набором клинкового оружия в кургане 1 (Яшкуль, гр. 37) были найдены два больших серебряных фалара (диаметр 18 см), в центре которых изображены стилизованные фигуры волка и козла. Фалары такого типа, происходящие из кургана у с. Володарки, Сибирской коллекции Петра I, случайные находки у г. Новоузенска Самарской губернии и с. Сидоровка Омской области, В.И. Мордвинцева отнесла к группе греко-бактрийского стиля, датировав II—началом I вв. до н. э. (Mordvinceva 2001, s. 36, 37, 64). Всесторонний анализ фаларов из Яшкуля позволил И. П. Засецкой прийти к выводу о том, что они должны датироваться началом I в. до н. э. или рубежом II—I вв. до н. э. Стилистические и технические признаки позволяют включить их в изделия эллинистической эпохи II—I вв. до н. э. (Засецкая 2016, с. 96).

Существует еще один вариант определения хронологической позиции рассматриваемых погребальных комплексов. Это колчаные наборы стрел. Из 17 учтенных комплексов в 16 были обнаружены наконечники стрел, все они оказались железными трехлопастными черешковыми, за исключением погребения 2 из кургана 2 могильника Аксай I, где был найден один железный втульчатый, и погребения 3 кургана 3 могильника Маляевка V, где вместе с 98 черешковыми находилось два втульчатых наконечника.

Мы неоднократно обращали внимание, что для сарматских погребений III в. до н. э. в большей мере характерно сочетание в колчаных наборах железных и бронзовых наконечников стрел (Клепиков, Скрипкин 2002, с. 66, 67; Скрипкин, Клепиков 2004, с. 97). Смена набора наконечников стрел в погребениях раннесарматской (прохоровской) культуры в пределах IV—I вв. до н. э. характеризуется подавляющим преобладанием на начальном этапе бронзовых втульчатых наконечников (до нескольких сот в одном погребении) с постепенной их заменой железными, преимущественно черешковыми наконечниками и практически полным преобладанием железных наконечников во II—I вв. до н. э., что в частности подтверждает и наша выборка погребальных комплексов. Таким образом, в формировании раннесарматских колчаных наборов можно выделить три этапа: 1) преобладание бронзовых наконечников; 2) сочетание бронзовых и железных наконечников; 3) преобладание железных черешковых трехлопастных наконечников. Такой расклад дает элементарный статистический подсчет. Резких границ между этими этапами не существовало. Железные наконечники стрел иногда

встречаются и на первом этапе обозначенного процесса, как и бронзовые на заключительном, но не они определяют хронологическую тенденцию. Поэтому хотелось отметить, что не следует при обнаружении отдельных бронзовых наконечников в одном каком-либо сарматском погребении II—I вв. до н. э., заявлять, что такое сочетание наконечников стрел, не является хронологическим показателем III в. до н. э. Речь в данном случае идет о статистической закономерности, которая позволяет выделить названные выше три хронологических этапа в формировании колчаных наборов раннесарматской культуры.

Сам состав клинкового оружия в нашей выборке погребальных памятников представляет интерес в плане решения вопроса определения этнокультурного содержания кочевнических памятников Нижнего Поволжья II—I вв. до н. э. Дело в том, что мечи с кольцевым навершием и мечи без металлического навершия появляются в данном регионе в результате миграционных процессов, исходной территорией которых были центральноазиатские районы. Кинжалы и мечи с серповидным навершием являются местной продукцией, они были в ходу задолго до появления здесь названных мечей миграционного происхождения. Кинжалы и мечи так называемого прохоровского типа, судя по всему, в сформировавшемся виде появляются в конце IV в. до н. э. и затем широко распространяются на территории волго-уральских степей (Скрипкин 2016, с. 264—275).

Вероятно, местного происхождения и обычай помещать с погребенным одновременно меч и кинжал. Причем, как показывают наблюдения, раньше с погребенными помещались однотипные мечи и кинжалы, имеющие серповидные навершия. Кстати, их более раннюю хронологическую позицию подтверждает помещение вместе с ними колчанов с бронзовыми и железными наконечниками стрел. Ранее проведенные нами подсчеты по собранной выборке, включающей 19 погребальных комплексов с мечами и кинжалами прохоровского типа, показали, что в 18 присутствовали наконечники стрел, из которых в двух находились только бронзовые наконечники, еще в двух только железные, в одном стрелы отсутствовали. В остальных 13-и в колчанах находились бронзовые и железные наконечники стрел. Железные наконечники в основном трехлопастные черешковые (Скрипкин 2015, с. 194).

Таким образом, уже на примере клинкового оружия в комплексах II—I вв. до н. э. из Нижнего Поволжья мы видим своеобразный симбиоз двух культурных традиций, предшествующей местной и пришлой центральноазиатской. Если посмотреть шире, то становится очевидным, что эта тенденция охватывает более широкий круг категорий вещественного материала и в какой-то мере погребальный обряд.

Кроме двух типов рассматриваемых здесь мечей, а также упоминавшихся поясных бронзовых ажурных пряжек и пряжек, изготовленных из гагата, сюда следует добавить ряд находок решетчатых пряжек, а также курительниц кубической формы в Волго-Донском регионе. Здесь же, в ряде мест, фиксируется увеличение северной ориентировки погребенных и совершение захоронений в деревянных колодах, отдельные из которых обнаруживают аналогии в тувинских древностях гунно-сарматского времени (Клепиков 2014, с. 51—56; Скрипкин 2019, с. 20—34).

Что касается сохранения традиций предшествующего времени в погребальных памятниках II—I вв. до н. э., то кроме мечей и кинжалов с серповидным навершием, продолжают встречаться бронзовые зеркала с валиком по краю и штырем для оформления ручки, глиняная посуда, украшенная по тулову пучками вертикальных линий. Ведущей ориентировкой погребенных остается южная. Продолжает сохраняться обычай, зародившийся еще в IV в. до н. э., располагать погребения по кругу либо в ряд под курганной насыпью.

Также следует отметить, что все инновации восточного происхождения неизвестны в эпонимном памятнике раннесарматской культуры — Прохоровских курганах. К настоящему времени в этом могильнике раскопано 38 погребений. По мнению Л. Т. Яблонского, доследовавшего этот памятник, и других исследователей, практически все захоронения Прохоровки датируются в пределах IV—III вв. до н. э., за исключением одного (курган «б» погребение 9), в котором был обнаружен кинжал с кольцевым навершием и железные черешковые трехлопастные наконечники стрел (Яблонский 2010, с. 68—82; Федоров 2011, с. 155—159). При таком соотношении находок в погребении из кургана «б» не исключена его принадлежность и к среднесарматской культуре. Нет перечисленных выше инноваций восточного круга и в других погребальных памятниках IV—III вв. до н. э. от Волги до Южного Урала.

Таким образом, между кочевническими погребальными памятниками Поволжья да и Приуралья IV—III вв. до н. э. и II—I вв. н. э. существуют определенные различия как в материальной культуре, так, отчасти, и в погребальном обряде. Они были вызваны миграцией кочевого населения в волго-уральские степи из центральноазиатских районов, соседствующих с Китаем. Этот тезис находит подтверждение и по данным антропологии. На краниологическом материале из погребений II—I вв. до н. э. был выявлен новый долихомезокранный компонент, отличающийся от предыдущего сарматского населения, для которого характерна была брахикрания, хотя местный антропологический компонент оставался преобладающим (Балабанова 2010, с. 72, 73). Как неоднократно

отмечала М. А. Балабанова, большой процент долихокрании был характерен для мужского населения, что предполагало участие в миграции прежде всего мужского населения. Эти данные могут свидетельствовать о том, что сама миграция носила военный характер.

Первым, кто отразил этнические изменения на юго-востоке Европы в связи с миграциями II в. до н. э., был Страбон. От Прикаспия до Днепра он упоминает ряд народов, которые здесь в сочинениях других античных авторов не фигурировали. Страбон располагал новой достоверной информацией по этому региону. Являясь уроженцем малоазийского города Амазии, которая некоторое время была столицей Понтийского царства, он имел возможность использовать информацию о районах Северного Кавказа и Северного Причерноморья, значительное количество которой было получено во времена правления Митридата VI Евпатора, пытавшегося использовать кочевников этих мест в борьбе против Рима. Не лишним будет напомнить, что прадед Страбона был одним из полководцев Митридата.

Кому могли принадлежать погребальные комплексы II—I вв. до н. э. Поволжья? Впервые Страбон упоминает аорсов, подразделяя их на две группировки: аорсов и верхних аорсов. Аорсов он поместил «по течению Танаиса», верхние же аорсы, как наиболее многочисленные, занимали «более обширную область, владея почти что большей частью побережья Каспийского моря» (Strabo, XI, 5, 8). У Страбона мы находим только одну хронологическую привязку, имеющую отношение к аорсам, во время правления на Боспоре Фарнака (63—47 гг. до н. э.). Но аорсы в отмеченных Страбоном местах появились, видимо, раньше. Это следует из его заявления, что они, как и сираки, «являются, видимо, изгнанниками племен, живущих выше». Таким образом, на время завершения написания Страбоном «Географии», а это самое начало I в. н. э., сохранилась еще память об аорсах-мигрантах. Если бы это случилось еще в IV—III вв. до н. э., как считали ранее, с продвижением раннесарматской культуры в Поволжье и на Дон, то аорсы воспринимались бы уже как аборигенное население. С другой стороны, трудно представить, что миграционные процессы, охватившие значительные территории Средней Азии, евразийского степного пространства, не затронули Волго-Донской регион. Одним из подтверждений обоснования времени занятия аорсами территорий, указанных Страбоном, является освоение роксоланами территории между Борисфеном и Танаисом не ранее II в. до н. э., что являлось следствием одних и тех же событий.

Учитывая, что в археологическом отношении погребальные памятники II—I вв. до н. э. от Дона до Южного Приуралья мало чем отличаются друг от друга, а также и то, что погреб-

бения из нашей выборки располагались как в междуречье Дона и Волги, а также в Заволжье, они могли принадлежать и той и другой группировкам аорсов. Судя по всему, в степном кочевом мире от Дона до Южного Урала происходит переоформление старых этноплеменных отношений и формирование новых. Во главе двух аорских объединений, скорее всего, становятся представители мигрантов, как наиболее пассионарной части населения. В этническом и политическом отношениях это были уже другие объединения кочевников, отличающиеся во многом от своих предшественников.

Между Каспием и Борисфеном Страбон, кроме двух объединений аорсов, разместил сираков в Прикубанье по современной локализации и роксоланов между Доном и Днепром. Формировалась эта этнокарта, видимо, с первой половины или середины II в. до н. э. и просуществовала, вероятно, до середины I в. н. э., поскольку Тацит, повествуя о борьбе за власть в Боспорском царстве, основные события которой развернулись в Восточном Приазовье в 49 г. н. э., участниками этих событий называет аорсов и сираков (Тас. Ann., XII, 15). Не позже 79 г. н. э. Плиний Старший помещает аорсов уже в Северо-Западном Причерноморье (Plin. NH, IV, 80).

Все четыре кочевнические объединения, плотно гранича друг с другом, заняли значительную часть степного пространства Восточной Европы. Учитывая многочисленность верхних аорсов, о которых писал Страбон, и которые могли выставить армию более чем 200 тыс. всадников, а также их кочевой образ жизни, они могли контролировать территорию между Каспием и Южным Уралом.

Эти объединения были самостоятельными в политическом отношении, имели своих правителей. Страбон называет имена предводителей аорсов, сираков, роксоланов. Они имели свои наименования, даже могли воевать друг против друга, как это произошло в сирако-аорской войне 49 г. н. э., описанной Тацитом. Возникает вопрос, какое отношение эти самостоятельные этнополитические группировки имеют к сарматам? Себя они, скорее всего, сарматами не именовали, поскольку имели самоназвания. Страбон упоминает сарматов, но как-то неопределенно, без какой-либо конкретики, зачастую отождествляя их со скифами.

Предполагается, что первое бесспорное определение территории «Сарматии» принадлежит Марку Агриппе (вторая половина I в. до н. э.). Он или его информаторы западной границей ее считали Борисфен (Днепр). По данным, приведенным в этом источнике, А.В. Подосинов рассчитал, что восточная граница Сарматии должна находиться в районе Кавказа и Волги (Подосинов 2002, с. 46, 57, 58). Спрашивается, на каком основании вся эта территория во времена Агриппы именовалась Сарматией? Ведь

здесь на время составления этого документа не существовало ни одного сколь-нибудь значимого кочевнического объединения с таким самоназванием. Вывод здесь один, в «Хорографии» Марка Агриппы мы имеем дело с данью традиции. На значительной части территории, отводимой в этом документе Сарматии, ранее действительно обитало этноплеменное объединение сарматов, которое прекращает свое существование в связи с событиями II в. до н. э. Все это напоминает ситуацию с савроматами, которых античные авторы упоминают до начала новой эры, хотя реально такого кочевого объединения не существовало уже несколько веков.

Отмеченная традиция со временем приобретает гипертрофированные формы, когда понятие Сарматия уже ничего общего не имеет с конкретным народом сарматами. Эта тенденция нашла яркое отражение в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея, в котором, например, территория Европейской Сарматии простиралась от Дона до Германии и Балтики, на которой проживали разные народы иранского, германского, раннеславянского происхождения. В дальнейшем это даже дало основание польской шляхте увязать свое происхождение с сарматами.

ЛИТЕРАТУРА

Балабанова, М. А. 2010. Новые данные об антропологическом типе сарматов. *Российская археология*, 2, с. 67-77.

Беспальый, Е. И., Лукьяшко, С. И. 2008. *Древнее население междуречья Дона и Кагальника*. 1: Курганный могильник у с. Высочино. Ростов-на-Дону: ЮИЦ РАН.

Глебов, В. П. 2016. Пряжки с зооморфными изображениями в раннесарматской культуре Нижнего Подонья. В: *Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова*. Оренбург: ОГПУ, с. 69-79.

Зайцев, Ю. П., Мордвинцева, В. И. 2003. Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеэллинистического периода. *Российская археология*, 2, с. 135-154.

Засецкая, И. П. 2016. Стилистические особенности декора на фаларах из Яшкуля. В: *Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию юбилею Б. А. Раева*. Ростов-на-Дону: ЮИЦ РАН, с. 90-105.

Клепиков, В. М. 2014. Раннесарматские погребения Нижнего Поволжья с северной ориентировкой. *Нижеволжский археологический вестник*, 14, с. 51-56.

Клепиков, В. М., Скрипкин, А. С. 2002. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья. *Нижеволжский археологический вестник*, 5, с. 47-81.

Кропотов, В. В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи*. Киев: АДФЕ-Украина.

Михлин, Б. Ю. 1980. Фибулы Беляуского могильника. *Советская археология*, 3, с. 194-213.

Подосинов, А. В. 2002. *Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, переводы, комментарии*. Москва: Индрик.

Скрипкин, А. С. 2000. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов. *Нижне-волжский археологический вестник*, 3, с. 17-40.

Скрипкин, А. С. 2003. О новом варианте лучковых фибул из сарматских погребений в Волго-Донском междуречье. *Российская археология*, 2, с. 128-134.

Скрипкин, А. С. 2005. Сарматские мечи с кольцевым навершием. В: *II Городцовские чтения: материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ*. Москва: ГИМ, с. 171-185.

Скрипкин, А. С. 2015. Клинковое оружие в разработке хронологии и некоторых вопросов этнической истории раннесарматской культуры Волго-Уральского региона. В: *Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти А. И. Мелюковой*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, с. 191-197.

Скрипкин, А. С. 2016. О происхождении мечей прохоровского типа. В: *Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова*. Оренбург: ОГПУ, с. 264-275.

Скрипкин, А. С. 2019. Кочевой мир юга Восточной Европы во II—I вв. до н. э. (восточный инновации, факты, причины, последствия). *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*, 1 (24), с. 20-34.

Скрипкин, А. С., Клепиков, В. М. 2004. Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья. В: *Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Краснодар, с. 95-106.

Скрипкин, А. С., Шинкарь, О. А. 2010. Жутковский курган № 27 сарматского времени в Волго-Донском междуречье. *Российская археология*, 1, с. 130-142.

Трейстер, М. Ю. 2018. Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н. э. — III в. н. э.). *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Археология, история, нумизматика, сфрагистика и эпиграфика*, 10, с. 118-210.

Трейстер, М. Ю. 2019. «Импорт» из Центральной Азии и Сибири в погребальных памятниках Азиатской Сарматии II—I вв. до н. э. *Проблемы истории, филологии, культуры*, 4, с. 180—239

Федоров, В. К. 2011. Рец. на кн.: Яблонский Л. Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. М.: Таус, 2010. *Российская археология*, 4, с. 155-159.

Яблонский, Л. Т. 2010. *Прохоровка. У истоков сарматской археологии*. Москва: Таус.

Mordvinceva, V. 2001. *Sarmatische Phaleren*. Archäologie in Eurasien, 11. Rahden: Leidorf.

Skvorcov, N. B., Skripkin, A. S. 2006. Eine sarmatische Adelsbestattung aus dem Wolgograder Wolgagebiet. *Eurasia Antiqua*, 12, S. 251-267.

REFERENCES

Balabanova, M. A. 2010. Novye dannye ob antropologicheskom tipe sarmatov. *Rossijskaya arkheologiya*, 2, s. 67-77.

Bespaly, E. I., Lukijashko, S. I. 2008. *Drevnee naselenie mezhdurechija Dona i Kagalnika*. 1: Kurganny mogilnik u s. Vysochino. Rostov-na-Donu: YuNCz RAN.

Glebov, V. P. 2016. Pryazhki s zoomorfnyimi izobrazheniyami v rannesarmatskoj kulture Nizhnego Podonija. In: *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoj arkheologii. Materialy IX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Problemy sarmatskoj arkheologii i istorii», posvyashhennoj 100-letiju so dnya rozhdeniya Konstantina Fedorovicha Smirnova*. Orenburg: OGPU, s. 69-79.

Zajtsev, Yu. P., Mordvintseva, V. I. 2003. Podvyeznye fibuly v varvarskikh pogrebeniyakh Severnogo Prichernomorija pozdneellinisticheskogo perioda. *Rossijskaya arkheologia*, 2, s. 135-154.

Zasetskaya, I. P. 2016. Stilisticheskie osobennosti dekorativnykh izdelij iz Yashkulja. In: *Antichnaya civilizatsiya i varvarskij mir Ponto-Kaspijskogo regiona. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashhennoj 70-letnemu yubileyu B. A. Raeva*. Rostov-na-Donu: YuNC RAN, s. 90-105.

Klepikov, V. M. 2014. Rannesarmatskie pogrebeniya Nizhnego Povolzhya s severnoj orientirovkoj. *Nizhnevolzhskij arkheologicheskij vestnik*, 14, s. 51 — 56.

Klepikov, V. M., Skripkin, A. S. 2002. Khronologiya rannesarmatskikh pamyatnikov Nizhnego Povolzhya. *Nizhnevolzhskij arkheologicheskij vestnik*, 5, s. 47-81.

Kropotov, V. V. 2010. *Fibuly sarmatskoj epokhi*. Kiev: ADEF-Ukraina.

Mikhlin, B. Yu. 1980. Fibuly Belyauskogo mogilnika. *Sovetskaya arkheologiya*, 3, s. 194-213.

Podosinov, A. V. 2002. *Vostochnaya Evropa v rimskoj kartograficheskoy traditsii. Teksty, perevody, komentarii*. Moskva: Indrik.

Skripkin, A. S. 2000. Novye aspekty v izuchenii istorii materialnoj kultury sarmatov. *Nizhnevolzhskij arkheologicheskij vestnik*, 3, s. 17-40.

Skripkin, A. S. 2003. O novom variante luchkovykh fibul iz sarmatskikh pogrebenij v Volgo-Donskom mezhdurechii. *Rossijskaya arkheologiya*, 2, s. 128-134.

Skripkin, A. S. 2005. Sarmatskie mechi s koltsevim navershiem. In: *II Gorodtsovskie chteniya: materialy nauchnoj konferentszii, posvyashchennoj 100-letiyu deyatel'nosti V. A. Gorodtsova v GIM*. Moskva: GIM, s. 171-185.

Skripkin, A. S. 2015. Klinkovoe oruzhie v razrabotke khronologii i nekotorykh voprosov etnicheskoi istorii rannesarmatskoj kultury Volgo-Uralskogo regiona. In: *Vojna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, posvyashchennoj pamiyati A. I. Melyukovoj*. Rostov-na-Donu: YuNC RAN, s. 191-197.

Skripkin, A. S. 2016. O proiskhozhdenii mechej prokhorovskogo tipa. In: *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoj arkheologii. Materialy IX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentszii «Problemy sarmatskoj arkheologii i istorii», posvyashchennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya Konstantina Fedorovicha Smirnova*. Orenburg: OGPU, s. 264-275.

Skripkin, A. S. 2019. Kochevoj mir yuga Vostochnoj Evropy vo II—I vv. do n. e. (vostochnye innovatsii, fakty, prichiny, posledstviya). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 1 (24), s. 20-34.

Skripkin, A. S., Klepikov, V. M. 2004. Khronologiya rannesarmatskoj kultury Nizhnego Povolzhya. In: *Sarmatskie kultury Evrazii: Problemy regionalnoj khronologii. Doklady k 5 mezhdunarodnoj konferentszii «Problemy sarmatskoj arkheologii i istorii»*. Krasnodar, s. 95-106.

Skripkin, A. S., Shinkar, O. A. 2010. Zhutovskij kurgan N 27 sarmatskogo vremeni v Volgo-Donskom mezhdurechii. *Rossijskaya arkheologiya*, 1, s. 130-142.

Trejster, M. Yu. 2018. Parfyanskije i rannesasanidskie «importy» v pogrebeniyakh kochevnikov Vostochnoj Evropy (II v. do n. e. — III v. n. e.). *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arkheologiya, istoriya, numizmatika, sfragistika i epigrafika*, 10, s. 118-210.

Trejster, M. Yu. 2019. «Importy» iz Tsentralnoj Azii i Sibiri v pogrebalnykh pamyatnikakh Aziatskoj Sarmatii II—I vv. do n. e. *Problemy istorii, filologii, kultury*, 4, s. 180—239

Fedorov, V. K. 2011. Recz. na kn.: Yablonskij L. T. Prochorovka: u istokov sarmatskoj arxeologii. M.: Taus, 2010. *Rossijskaya arkeologiya*, 4, s. 155-159.

Yablonskij, L. T. 2010. *Prochorovka. U istokov sarmatskoj arkeologii*. Moskva: Taus.

Mordvinceva, V. 2001. *Sarmatische Phaleren*. Archäologie in Eurasien, 11. Rahden: Leidorf.

Skvorcov, N. B., Skripkin, A. S. 2006. Eine sarmatische Adelsbestattung aus dem Wolgograder Wolgagebiet. *Eurasia Antiqua*, 12, S. 251-267.

A. S. Skripkin, V. M. Klepikov

ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE LOWER VOLGA REGION OF THE 2nd—1st CENTURIES BC AND SOME ETHNIC ISSUES OF THE SARMATIANS

The paper concerns with chronological analysis of Early Sarmatian military burials with two swords in the Lower Volga region dated to the last centuries BC. There are two combinations of the different bladed weapons in the burials: swords with a ring pommel and daggers with a crescent-shaped pommel; swords without metal pommel with the rhomboid cross-bar and daggers with a crescent-shaped pommel. Swords and daggers with a crescent-shaped pommel are absent in the burials after the turn of AD. Swords and daggers with ring pommel or rhomboid-shaped cross-bar have appeared during the new migration wave in the Lower Volga region not earlier than in the 2nd century BC. This determines the chronological framework of the assemblages. Daggers and swords with a crescent-shaped pommel are the local product, they were used much earlier than the swords of migratory origin. The authors suggest that the emergence of innovations is associated with the migration of the 2nd—1st centuries BC from Central Asia, because in addition to swords with ring pommel and bronze cross-bar without metal pommel, there were found bronze openwork and lattice buckles, jet buckles and cubic incense burners, well known in the East.

The burials with Northern direction and wooden decks have the analogies in Tuvan antiquities of the Xiungnu-Sarmatian time. At the same time in ancient sources there is a list of tribes among which Aorsi and Top Aorsi on the Don and in the Volga region, Rhoxolani in the Northern Pontic region and Siraci in the Kuban region are mentioned. Although all this area was called Sarmatia, the name Sarmatians is not included in this list. The authors believe that the new tribes replaced the Sarmatians but in Greek literary tradition the territory retained its old familiar name. In addition to swords and daggers with the crescent-shaped pommel, other items known as early as the 4th—3rd centuries BC continue to occur in the burials, and the burial rite continues to preserve the custom of southern direction of the buried and the practice of placing the burial in a circle or in a row under the mound. All this is the evidence of the unique symbiosis of two cultural traditions: the previous local and newcomer Central Asian.

Keywords: Sarmatians, Aorsi, Lower Volga region, swords, daggers, military burials.

A. S. Skripkin, V. M. Klepikov

АРХЕОЛОГІЧНІ ПАМ'ЯТКИ НИЖНЬОГО ПОВОЛЖЯ II—I ст. до н. е. І ДЕЯКІ ЕТНИЧНІ ПРОБЛЕМИ САРМАТІВ

Стаття містить хронологічний аналіз ранньосарматських воїнських поховань із двома мечами в Нижньому Поволжі, датованих останніми століттями до н. е. У похованнях є два сполучення різної клинкової зброї: мечі з кільцевим навершям та кинджали з серпоподібним навершям; мечі без металевого навершя з ромбоподібним перехрестям та кинджали з серпоподібним навершям. Мечі та кинджали з серпоподібним перехрестям відсутні в похованнях після рубежу нової. Мечі та кинджали з кільцевим навершям або ромбоподібним перехрестям з'явилися під час нової хвилі міграції в Нижньому Поволжі не раніше, ніж у II ст. до н. е. Це визначає хронологічні рамки комплексів. Кинджали та мечі з серпоподібним перехрестям — місцевого походження, їх використовували набагато раніше, ніж мечі мігрантського походження. Автори припускають, що поява інновацій пов'язана з міграцією II—I ст. до н. е. з Середньої Азії, оскільки, крім мечів з кільцевим навершям та бронзовим перехрестям без металевого навершя, були знайдені бронзові ажурні та ґратчасті пряжки, геширові пряжки та кубічні курильниці, добре відомі на Сході.

Поховання з північною орієнтацією і дерев'яними колодами мають аналогії у тувинських старожитностей хунну-сарматського часу. Водночас у письмових джерелах перелічені племена, серед яких згадані аорси і верхні аорси на Дону і в Поволжі, роксолани в Північному Понті та сіраки на Кубані. Незважаючи на те, що всю цю територію називали Сарматією, назви «сармати» у цьому переліку немає. Автори вважають, що нові племена змінили сарматів, але в грецькій літературній традиції ця територія зберегла давню звичну назву. Крім мечів і кинджалів з серпоподібним навершям, в похованнях продовжили квести інші предмети, відомі з IV—III ст. до н. е., а поховальний обряд зберіг південну орієнтацію і практику розміщення поховання по колу або в ряд під курганом. Усе це свідчить про унікальний симбіоз двох культурних традицій: попередньої місцевої та нової центральноазійської.

Ключові слова: сармати, аорси, Нижнє Поволжя, мечі, кинджали, військові поховання.

Одержано 17.05.2020

КЛЕСПІКОВ Валерій Михайлович, кандидат історичесних наук, доцент, Волгоградський державний університет, просп. Університетський, 100, 400062, Волгоград, Російська Федерація.

КЛЕПІКОВ Valeriy M., Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062, Volgograd, Russian Federation.

ORCID: 0000-0003-2891-7366, e-mail: valery.klepikov@volsu.ru.

СКРИПКИН Анатолій Степанович, доктор історичних наук, професор, Волгоградський державний університет, просп. Університетський, 100, 400062, Волгоград, Російська Федерація.

SKRIPKIN Anatoliy S., Doctor of Sciences (History), Professor, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062, Volgograd, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-0141-5761, e-mail: anatoly.skripkin@volsu.ru.